

оглу^нѣть, курск., орл., смол., твер. оглу^мѣть ‘перестать соображать, одуреть’ [Там же, 320], зап. оглу^мѣть ‘сильным ударом по голове лишить сознания...; ошеломить; осмеять’ [Там же], что обнаруживает исконную производность от *глум*.

Реальность вторичного появления структур со стечением гласных позволяет истолковать таким же образом происхождение двух диалектных глаголов с соответствующей структурой. Первый – костр. *ощеу^лить* ‘насмехаться, издеваться’ [СРНГ 25, 103], который при сопоставлении со словен. *ščiliti* ‘науськивать’, чеш. диал. ю.-вост. *šloulet se, užlouvat se* ‘усмехаться’ [Machek², 627], возводится к *ščul- (ср. чеш. *skulina* ‘трещина, щель’), в соответствии с семантической моделью *скал^нить* зубы.

Другой синонимичный глагол – перм. *ощеу^рничать* ‘насмехаться, издеваться’ [СРНГ 25, 104], возводимый к *ščur- ‘драть, раздирать’: ср. *ощур^я* ‘короткая шерсть на животе и ногах овцы’ [СРДГ 2, 219], *выскір^ь* ‘клок одежды, осколок битого стекла’ [СРГСУ-Д, 71], белор. *зубы скір^ыць* ‘смеяться’ [Сл. Брэст, 276]. Наличие для обоих славянских корней индоевропейских соответствий с вокализмом ряда *u: ср.-в.-нем. *schiel* (**skeulo*) ‘щепка’ [Pokorny 1, 954] и лтш. *skaurināt* ‘трясти’ – делает избыточными предположения Махека о вторичном формировании их в праславянском как вариантов корней *ščel-* и *ščer-* [Machek², 627].

Е.Л. Березович
Уральский университет

Этимологическая магия как стимул мотивационного заражения (на материале русских народных названий глазной болезни «ячмень»)

Ячмень (*hordeolum*) – острое гнойное воспаление волосяного мешочка ресницы или сальной железы века. На крае века образуется припухлость, затем желтая «головка», после вскрытия которой выделяется гной и кусочки некротизированной ткани. Ячмень сопровождается отеком век¹. Кажется, русские говоры преувеличенно внимательны к этому относительно легкому заболеванию, что проявляется в существовании обширной парадигмы его наименований: таким номинативным богатством – а подчас и единственным обозначением в дифференциальной лексической системе диалекта – не могут «похвастаться» значительно более серьезные и тяжелые по последствиям недуги. Выяснение причин такого асимметричного заполнения языком «медицинской карты» человека может стать предметом отдельного исследования, сейчас же отметим лишь одну причину, лежащую на поверхности: ячмень является глазным (и видимым глазом) заболеванием, и логика мифологического мышления подсказывает, что воз-

¹ Большая медицинская энциклопедия: В 30 т. М., 1974–1988. Т. 28. С. 541.

никает оно вследствие сглаза, отсюда особое внимание к этой болезни в народной медицинской обрядности, которое отражается и в языке.

Система наименований глазного ячменя дает прекрасный повод для наблюдений над возможностями проявления такого феномена лингвокреативного мышления, как этимологическая магия, которая описана в постановочной статье Н.И. и С.М. Толстых¹. Авторы отмечают, что «народная этимология, имеющая весьма ограниченное распространение в языке как таковом, приобретает функцию одного из наиболее продуктивных приемов организации мифопоэтического и ритуально-магического текста и превращается в особый вид магии»². Ситуация, изучаемая в настоящей статье, показывает, что в системе языка тоже имеются такие зоны, где этимологическая магия демонстрирует исключительную продуктивность, становясь движущим фактором при формировании лексики определенных номинативных парадигм – в частности, наименований болезней.

В рамках настоящего исследования будут анализироваться ономастически первичные русские названия *hordeolum*, т.е. наименования, которые появились для обозначения именно этого заболевания, а не перенесены с названий других болезней (так, не берется, к примеру, слово *путьш*, относимое, по сути, к любым прыщам, чирьям и т.п. Конечно, выводы о первичности/вторичности наименования могут быть сделаны не всегда). Некоторые из анализируемых в данной работе названий рассматривались в обстоятельной статье В.П. Строговой³, однако иной угол зрения и более широкий материал позволяет вновь обратиться к этой интересной теме.

Представим материал, который может быть сгруппирован в рамках двух полей, имеющих сходные принципы внутренней организации. Смысловый центр и база для производства элементов первого поля – ячмень, второго – собака.

Первое поле включает в качестве опорных слова *ячмень*, *жито*, *зерно*, которые в данном случае являются номинативными дублетами. В основе этих наименований – метафора по признаку формы⁴.

Слово *ячмень* является как литературным, так и общенародным обозначением болезни, о чем свидетельствуют хотя бы его диалектные

¹ Толстой Н.И., Толстая С.М. Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 250–264.

² Там же. С. 261.

³ Строгова В.П. Некоторые особенности метафоризации в русских говорах (на материале слов *жича*, *жичина*, *песак*, *ячменина*, *ячмень* в северо-западных говорах) // Среднерусские говоры и памятники письменности. Калинин, 1989. С. 43–50.

⁴ Ср. срабатывание «зерновой» модели по отношению к названиям других болезненных образований, прыщей и т.п.: *жито* 'прыщ на языке домашних животных' (арх.) [СРНГ 9, 192], *зёрнышко* 'гнояничок, прыщик' (яросл.) [ЛК ТЭ]. В плане типологии можно привести также фиксируемую в ряде языков модель *типун* на языке *птиц* ← *зернышко*, *косточка*: ср., к примеру, порт. *pevida*, исп. *pepita* 'мед. типун' ← 'зернышко, семечко' [ПРС, 624; БИРС, 578] и др.

дериваты с тем же значением – *ячменина* (новг.)¹, *ячменёк* (без помет) [Даль 4, 682]. Рус. *ячмень* ‘гнойное воспаление сальных железок век’ имеет параллели во всех славянских языках (болг. *ечемик*, с.-хорв. *jěčmūk*, словен. *jěčten*, чеш. диал. *jačteŋ*, словц. *jačteŋ*, польск. *jęczmuk*, укр. *ячмін* и др. [ЭССЯ 6, 63–64]). По мнению О.Н. Трубачева, не исключено распространение значения ‘ячмень на глазу’ под влиянием лат. *hordeum* ‘то же’ книжным путем [ЭССЯ 6, 63]. Однако убедительность «книжной» версии несколько ослабляется тем, что изучаемое слово активно функционирует в диалектах славянских языков. Кроме того, в русских диалектах имеются дублеты номинации *ячмень* – *жито*, *зерно* и их производные: *зерно́* [НОС 3, 97], *зёрнышко* (арх.) [ЛК ТЭ]; *жит* [ПОС 10, 246], *жітина* (новг., петерб.) [НОС 2, 134; СРНГ 9, 190]², *жітенка* (*жітинка*) (моск., пск., смол., твер.) [СРНГ 9, 189], *жіто* (вгл., новг., пск.) [ЛК ТЭ; НОС 2, 135; ПОС 10, 252], *жітченка* (твер.) [СРНГ 9, 194], *жітчина* [ПОС 10, 252]. Наличие таких номинативных дублетов тоже, казалось бы, служит косвенным опровержением «книжного» появления «ячменной» модели. В то же время эта модель подозрительно широко распространена в языках различных семей (в разных группах индоевропейской семьи, в тюркских, финно-угорских языках), что вполне может говорить о ее книжном характере³, источником тогда следует признать факт медицинской номенклатуры – лат. *hordeolum* («ячменек») ‘ячмень на глазу’ ← *hordeum* ‘ячмень’.

Каково бы ни было происхождение «ячменной» модели, она функционирует в русских говорах как мотивационно живая (и это аргумент в пользу ее исконности), причем в ее рамках нередко происходит мотивационный сдвиг, направленный логикой этимологической магии, которая предполагает срабатывание формулы «Если *x*, то *y*» (когда между *x* и *y*

¹ Строгова В.П. Указ. соч. С. 47.

² Здесь и далее при подаче номинативного материала не будет приводиться словарная дефиниция, поскольку рассматриваются слова со значением ‘гнойное воспаление сальных железок век, ячмень’.

³ Ср. функционирующее в тех же говорах *жітина* ‘ячменное зерно’ [ЛК ТЭ; НОС 2, 133; СРНГ 9, 90].

⁴ В то же время во многих языках различных семей фиксируются номинативные единицы, не связанные ни с этой моделью, ни с рассматриваемой ниже «собачьей», ср., например, несколько разрозненных фактов такого рода: кирг. *арпа* ‘бот. ячмень’, но *тинсек* ‘мед. ячмень’ ← ‘ахиллесово сухожилие’ [КРС 2, 239]; узб. *арпа* ‘бот. ячмень’, но *нина учуқ* ‘мед. ячмень’ (*нина* ‘игла, острие иглы’, *учуқ* ‘сыпь, пузырьки’) [УзбРС, 291]; вепс. *orз* ‘бот. ячмень’, но *sarakoda* (*sara* ‘развилка, сук’, *koda* ‘курятник; домик’) [СВЯ, 457]; порт. *cerada* ‘бот. ячмень’, но *terçol* ‘мед. ячмень’ < лат. **tertiolo* («малая треть») [DELP 5, 292] и др. Это обстоятельство говорит о том, что данное заболевание было номинативно освоено языками до появления «интернациональной» номенклатурной модели (если принять версию о книжном пути ее распространения).

предполагается причинная связь: $x \rightarrow y$)¹. В применении к медицинской обрядности эта формула сводится к принципу *similis simili curatur*: глазной ячмень лечится ячменным зерном или ячменным хлебом (при лечении глазного ячменя у белорусов «отсчитывают 9 ячменных зерен и каждое из них, предварительно обмахнув трижды вокруг больного глаза, отбрасывают наотмашь в сторону. Потом пускают в избу курицу, чтоб она поклевала эти зерна»²; в Сибири было принято укалывать ячмень на глазу зернышком ячменя»³; ср. также следующие словарные иллюстративные контексты: *Ячмень — это болезнь глаза. Брали зерно ячменя и торкали три раза у глаза. Обязательно, чтобы это зерно петух потом склевал* (твер.)⁴; *Пекут хлеб, корочку срывали, к ячменю теплым прикладывали и отдавали петуху* (влг.) [ЛК ТЭ] и др.). Как мы увидим далее, мотивационные сдвиги такого рода могут стать ведущими факторами, определяющими особенности функционирования элементов поля и продуцирования новых номинативных единиц.

В рамках морфо-семантического поля лексемы *жито* (*житина*, *житинка* и др.) функционирует слово *жича* (*жичина*) ‘шерстяная нитка, пряжа’ [НОС 2, 137; ПОС 10, 261; ЛК ТЭ и др.]⁵, ареал которого включает зону распространения слов *жито*, *житина* ‘мед. ячмень’. Фактором для аттракции данных лексем становится не только формальное подобие, но и существующая в народной медицине практика «лечения» болезней путем обвязывания шерстяной ниткой больного органа (или пальца на руке с той стороны, где находится больной орган, а иногда — с противоположной стороны)⁶. В результате аттракции *жито* и под. ‘мед. ячмень’ \leftrightarrow *жича* и др. ‘шерстяная нить’ получаем ряд наименований глазного ячменя с начальным *жич-*: *жича* [НОС 2, 136; ПОС 10, 261], *жичаный* ‘имеющий ячмень на глазу’ [НОС 2, 137], *жичевина* (пск.) [СРНГ 9, 200], *жичина*, *жичина* (новг., пск., смол., эст.рус.) [НОС 2, 137; ПОС 10, 261; СРНГ 9, 200–201], *жичка* (калуж., лит.рус., моск., смол.) [СРНГ 9, 201]. Факт аттракции подтверждается свидетельствами

¹ Толстой Н.И., Толстая С.М. Указ. соч. С. 252–253.

² Богданович А.Е. Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Гродна, 1895. С. 162.

³ Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII–первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 125.

⁴ Строгова В.П. Указ. соч. С. 48.

⁵ Этимологически рус. диал. *жича*, *жица* ‘шерстяная пряжа’ родственно лит. *gijà* ‘нить в основе (для ткани)’, лтш. *dzija* ‘то же’ и др. [Фасмер 2, 57–58].

⁶ Ср. свидетельства относительно медицинского использования *жичины* (безотносительно к главному ячменю): *жичина* ‘шерстяная нитка, которой перевязывают пуповину у новорожденного’ (новг.) [СРНГ 9, 200]; *жичинка* ‘шерстяная нить’ (*Бородавки сводили, даж жичинку вокруг пальца обвязжут*) (влг.) [ЛК ТЭ]; *жичка* ‘то же’ (*Баушки правят и надевают жичку*) [КДЭИС] и др.

присутствия слов *житина* и *жичина* в рамках одного обрядового текста: «*Житина, жѣтина, возьми свою жичину*» (глазной ячмень) (коснувшись ячменя на веке ячменным зерном, скормливают его петуху, бросают в огонь или колодец) [ПРН, 402].

Смысловой фундамент аттракции «ячменных» и «шерстяных» лексем проявляется в контекстах типа: *Колечко из шерстяной нитки на пальце. Ячмень на правом глазу, жичина на левой руке* (новг.) [НОС 2, 137]; *Колечко из нитки на два пальца. Их надевали во время болезни ячменя, жичины. Ячмень на правом глазу, жичина на левой руке* (новг.); *На каком глазу сядя жичина, на такую руку привязывают шерстяну нитачку, жичину* (пск.)¹. Итак, такие наименования *hordeolum*, как *жича*, *жичина* и под., можно считать переработкой *жито* 'то же' под влиянием со стороны *жича* 'шерстяная нить', обусловленным срабатыванием модели 'болезнь' ← 'способ ее лечения'. Эта интерпретация не позволяет согласиться с тем, что слово *жича* в медицинском значении является метафорой (на базе *жича* 'шерстяная нитка'), «соотносимой с табу, эвфемистическим обозначением болезни, наваянной, по народным верованиям, действиями нечистой силы»²: механизм этимологической магии ($x \rightarrow y$) отличен от механизма метафоризации ($x \approx y$).

В то же время связь с *жича* 'шерстяная нить' может быть релевантной только на уровне вторичных «рецептурных» переосмыслений, а для объяснения путей появления *жича* 'глазной ячмень' может быть достаточно внутренних ресурсов «ботанической» модели, ср.: *жѣча* 'ячмень (злак)' [НОС 2, 136], *жѣчина* 'одно семя ячменя' [НОС 2, 137]; *жѣчинка* 1. 'зерно, крупинка'. 2. 'ячмень' [ПОС 10, 261]; *жѣчка*, *жѣшка*, *жѣшина* 'ячмень (злак)' [ПОС 10, 261] и др.

В результате расширения сферы действия народно-этимологических переосмыслений в рассматриваемом поле появляется такое наименование *hordeolum*, как *жѣга* [ПОС 10, 230]. Возникновение этой формы, по-видимому, объясняется аттракцией *жито* (*жича*) к многозначному глаголу *жѣгать* 'бить, ударять', 'жалить, кусать', 'обжигать' [СРНГ 9, 165–166; ЛК ТЭ и др.], ср. также зафиксированную в ареале слова *жѣга* (пск.) омоформу – наречие *жѣга* 'горячо, может обжечь' [ПОС 10, 230]. Смысловой поддержкой такой аттракции становится, возможно, ощущение пульсации, жжения в гноящейся ране³. Не менее вероятно следующее предположение. При лечении ячменя осуществлялось прижатие его горячим хлебом (подробнее см. ниже), поэтому в слове

¹ Строгова В.П. Указ. соч. С. 45.

² Там же.

³ В плане типологии можно отметить задействие идеи жжения для обозначения *hordeolum* в хантыйском языке: *náj-i'anx* (букв. «болезнь огня») [DEWOS 8, 981].

жѣга можно усмотреть реализацию «рецептурной» модели, ср.: *Песьяк тёплым пирогом прижигали и собакам бросали* (влг.) [ЛК ТЭ]; *Песик садится, глаз опухат, колечки вязали из ниток на палец, хлебом прижгут и собакам наотмашку бросали* [КДЭИС].

Притяжение к слову *живой* дает форму *жѣвчина* ‘ячмень на веке глаза’, ‘гнойное воспаление, язва’, ср. также *жѣвчинка* ‘нитка’ [ПОС 10, 230]. Это притяжение, возможно, носит сугубо формальный характер, хотя у него есть определенная смысловая поддержка (ср. следующий факт из числа дериватов *живой*, близкий к номинации болезней: *посадить жѣвчика к носу* ‘ударить кого-либо, разбив ему нос’ [СРНГ 9, 162]).

Перейдем к анализу элементов второго поля (представленных только в говорах), которое более обширно и богато аттракционными процессами. Опорные элементы этого поля – слова *пес*, *собака*, *сука*.

Наиболее широко распространены в говорах наименования ячменя, образованные от основы *пес*: *песák* (арх.) [ЛК ТЭ], *песей* (влг.) [ЛК ТЭ], *песень* (влг.) [ЛК ТЭ], *песец* (арх.) [ЛК ТЭ], *песец-ячмень* [КДЭИС], *песий ячмень* (влг., свердл.) [ЛК ТЭ; КДЭИС], *песик* (свердл., яросл.) [КДЭИС, ЛК ТЭ], *песьик* (влг.) [ЛК ТЭ], *песьяк* (арх., влад., влг., карел.рус., костр., новг., олон., петерб., пск., твер., эст.рус., яросл.) [ЛК ТЭ; СРГК 4, 489; СРНГ 26, 325; ЯОС 8, 107], *песь-ячмень* (влг.) [ЛК ТЭ], *песьяк* (арх., влг., карел.рус., костр., новг., яросл.) [ЛК ТЭ; НОС 7, 134; СВГ 7, 52; СРГК 4, 489; СРНГ 26, 325] и др. В сознании носителей языка такие наименования являются мотивационно «живыми»: логика этимологической магии указывает на собаку (пса) как на причину заболевания и, соответственно, «способ» лечения (глазной ячмень «отдается» собаке). Ср. контексты: *Песий ячмень от собак бывает* (влг.); *Песик горячим хлебом лечим, приложим и собаке отдадим* (яросл.); *Говорят, увидел, как собака поссала, вот и песьяк вскочил* (влг.); *Песьяк надо с собакой лечить, он от собаки делается* (влг.) [ЛК ТЭ]; *Песик горячим хлебом прижигали, да через левый кулак, наотмашку, значит, собакам бросать* [КДЭИС] и мн. др. Д.К. Зеленин, описывая практику народного врачевания с помощью симпатической магии, приводит (без указания места) обычай передавать ячмень на глазу (*песий ячмень*) собаке (так же, как куриную слепоту передают курам, бели у женщин – белой березе и т.п.)¹.

¹ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 286. Вообще, животные (журавль, рак, крот и др.) широко используются как «реципиенты» различных болезней; процесс «передачи» заболевания отражается в ряде вокативных формул [Усачева В.В. Вокативные формулы в народной медицине славян // Славянский и балканский фольклор: Вера, текст, ритуал. М., 1994. С. 232–233].

Не обращаясь пока к происхождению модели, покажем, какого рода трансформации происходят с лексемами типа *песьяк*, входящими в обширное морфо-семантическое поле.

Весьма частотно притяжение к словам с корнем *печ-*, вследствие чего появляются названия *hordeolum* с соответствующим начальным сочетанием: *пéча-ячмёнь* (влг.) [ЛК ТЭ], *печёнь* [КДЭИС], *пéчень-ячмёнь* (*печёнь-ячмёнь*) (влг., свердл.) [ЛК ТЭ; КДЭИС], *пéче-ячмёнь* (влг.) [ЛК ТЭ], *пéчий ячмёнь* (влг.) [ЛК ТЭ], *пéчь-ячмёнь* (влг., свердл.) [ЛК ТЭ; КДЭИС].

Такая аттракция имеет надежное фонетическое обоснование (в некоторых случаях можно говорить даже не об аттракции, а о фонетических вариантах исходного слова): как известно, во многих севернорусских и среднерусских говорах наблюдается шепелявенье, сводящееся, в частности, к произношению на месте *с'* звука *ш'*. С другой стороны, аффриката *ч* в говорах может терять смычку, что тоже приводит к появлению звука *ш'*. Таким образом, колебание *с'/ш'ч* вполне обоснованно для корня изучаемых наименований¹. О справедливости вышесказанного говорит и отмеченное в русских говорах Сибири наименование *hordeolum* с корневым *ш*, для которого в качестве исходной следует восстановить «песью» модель: *пéший чёмень* [СРНГ 27, 13].

Аттракция к *печ-* обладает и несомненной смысловой подоплекой. Во-первых, следует учитывать реальное, физическое ощущение «печения» в ране, ср. факт мотивационной рефлексии диалектоносителя: *Печень на глазу бывает, печёт глаз-то* [КДЭИС]. Актуальность идеи жжения как мотивирующей для обозначения *hordeolum* проявляется, вроде бы, и в описанном выше названии *жйга*. Поддержка для такого переосмысления создается также наличием в морфо-семантическом поле наименований различных заболеваний (кровоподтеков, ссадин, волдырей) на *печ-*, которые распространены в ареале интересующих нас обозначений *hordeolum*: *печёница* 'синяк, кровоподтек' (арх., влг., вят., костр., мар.рус., новг.) [ЛК ТЭ; СРНГ 26, 347]; *печёнь* 'сгустки крови' (влг., новосиб., яросл.) [ЛК ТЭ; СРНГ 26, 349]; *печёнка* 'обожженное место' (новг.), 'волдырь, прыщ на губе при простуде' (новг.) [СРНГ 26, 347] и др. Внутренняя форма этих слов может осознаваться носителем языка: *Печеница экая, кровь спеклася* (влг.) [ЛК ТЭ].

Во-вторых, в народной медицинской обрядности существовала практика лечения заболеваний путем «печения», ср., к примеру, обряд «перепекания» ребенка, больного рахитом, т.е. *собачьей старостью* или *сухотами*: ребенка кла-

¹ Не случайно названия *hordeolum* с начальным *печ-* (нередко восстанавливаемом при лексикографическом оформлении из *п'ещ*) наиболее широко распространены на Среднем Урале, где регулярно фиксируется утрата затвора <ч>.

дут на хлебную лопату и трижды всовывают в теплую печь [СМ, 303]. Кстати, рахит, как и глазной ячмень, является «собачьей» болезнью: возможно, это обстоятельство не случайно¹. При лечении *hordeolum* перепекание не применялось, но мотивационные контексты свидетельствуют о задействовании различных «рецептов», основанных на актуализации в ходе аттракционных процессов слов с корнем *печ-*: *печеный лук* – *К печеню лук печёный прикладёшь* [КДЭИС]; *печина* ('печная глина') – *Печень-ячмень на глазу печиной лечили, от печи глиной. Возьмёшь кусочек и по глазу водишь* (влг.) [ЛК ТЭ]; *печной уголь* – *Печень-ячмень скочит, дак берут печной уголёк, шепчут чего-то, он и сходит* (влг.) [ЛК ТЭ]; *печь* (гл. и сущ.) – *Печень-ячмень скочу, дак пекут пирожок и бросают собаке; Хлеба горячего вытаци из печки, поприжмай да собаке отдай, песычок и пройдёт* (влг.) [ЛК ТЭ]; *Песий ячмень-от ведихи правили, мякким от забытой бууки приставляли к нему; буука-то не всяка, а в пече забытая* [КДЭИС].

Нельзя не отметить и аттракцию «песых» наименований к грубопросторечному *писать* 'оправляться', ср. слова с начальным *пис-* (и особенно – с удвоенным *с*): *писсяк* (влг.) [ЛК ТЭ], *письяк* (арх., влг., яросл.) [ЛК ТЭ; СВГ 7, 61; ЯОС 8, 107], *писяк* (новг., яросл.) [НОС 7, 134; ЯОС 8, 107]. Фонетическая сторона этого сближения тривиальна; что касается смысловой стороны, то здесь возможны два мотивационных хода, типичных для этимологической магии. Во-первых, мотивировка может быть связана с причиной заболевания: *Не надо смотреть, когда собака писает: как зерно на глазу, песыак на верхнем веке вскочит; Чтоб не было песыака, сказать три раза: «Писай, какай, на свои шары накакай»; Накатаешь шарик и брось от песыака; как собаку увидишь, она оправляется, три слова только и сказать: «Тьфу-тьфу-тьфу, ссисери, пёс, на свой пёрст, ссисери на свои шары»; Собаки ссят – нельзя смотреть, собаки вредные; Если увидишь, как собака оправляется, печень-ячмень сделается. Тычут горячим пирогом, чтобы зажгло, да собаке подают и мн. др.* (арх., влг.) [ЛК ТЭ]. Во-вторых, причина заболевания инициирует соответствующий магический способ лечения:

¹ Сходство методов лечения рахита (*собачьей старости*) и глазного ячменя (*песыака*) не исчерпывается печением. На Среднем Урале рахитичного ребенка «продергивают» в калачик, который затем отдают собаке: *Калачик, его [ребенка] продергивают да собаке старой дать. [– А его из чего стряпали?] – Из муки хоть какой. Чтобы ребёнка продёрнуть через дырку. А пстам этот калачик разламуют и собакам скормят; Пеки собачью старость, чтоб грешно не было... Ак она из печи-то выташиит [ребенка], у меня калачик-от принесён. Я свой испеку большой калачик. Она продергиват его [через калачик]... Я и спрашивсю: «Че ты продергивашь?» Она мне и отвечает: «Собачью старость». А я и говорю: «Продергивай, чтобы грешно не было». Три раза. Этот калачик собаке изломашь кусочкам* [КДЭИС].

Скочил писсяк, дак собачьей мочой надо корочку промочить, к глазу прижать – да и собаке бросить (влг.) [ЛК ТЭ]. Отметим, что хотя «лингвистическая» природа рецепта в данном случае очевидна, *urina canis* издавна использовалась в практике магического врачевания разных народов: к примеру, «*Thesaurus linguae latinae*» указывает, что для лечения бородавок применялась свежая собачья моча (*sanaſt verrucarum... genera urina canis recens*) [TLL III/1, 255]¹.

Другая линия переосмысления *песьяков* предполагает включение в круг стимулов мотивационной рефлексии слова *пест*, вновь демонстрирующее «рецептурную» логику народно-этимологических сближений, ср.: *пѣстя* [КДЭИС], *пест'як* – *Пестяк лечили как-то старухи, пестом-от чего-то в стуле толкли, хлеб толкли да бросали собаке* (влг.) [ЛК ТЭ]. «Терапия» с помощью песта на Среднем Урале используется при лечении очередного «собачьего» заболевания, которое называется *сучьи титьки* (нарыв в подмышечной области), ср.: *Видишь тистики, картовочки толкут... Вот этим тистичком тут... Приговаривай, причерчивай: «Как печной угол усохнет, посыхает, так у рабицы Божьей сучьи титьки сохните-засыхайте». Пистичком-то, значит, где болит боль-то, ак вот тут и притыкать... Впору, чтобы не больно было... И опять печному углу. До трёх раз* [КДЭИС]. Как и в предыдущих случаях, аттракция *песьяк* ⇔ *пест* (или даже замена *песьяк* → *пестяк*) обосновывается фонетически, поскольку сочетание *с'т'* появляется на месте нелюбимого севернорусскими говорами *сј*.

Другой «эпицентр» переосмыслений в рамках «собачьего» поля – лексема *сука*, которая оказывается представленной в следующих наименованиях *hordeolum*, распространенных на территории Архангельской области: *сучья петля* – *Сучья петля скочила, надо коровашек испечь, дать собаке полизать и съесть; сучий сучок* [ЛК ТЭ]; *сучий сучок* ‘ячмень на глазе; по убеждениям суеверов, делается у тех, кто смотрит на сучью свадьбу’ [Подвысоцкий, 168]; *сучья титька* [ЛК ТЭ]. Образ петли в номинации *сучья петля* мотивирован внешним сходством с «головкой» *hordeolum*; метафора по признаку формы лежит и в основе наименования *сучья титька*.

Более сложная и «многоходовая» мотивация – в основе образа *сучка*². Во-первых, слова *сука* (*сучка*) и *сучок* могут подвергнуться сближе-

¹ Небезынтересны и указания на использование собаки при врачевании глазных болезней: к примеру, для лечения глаукомы следовало задействовать головной мозг семидневного щенка (*glaucomata dicunt magi cerebro catuli septem dierum emendari*) [T.L. III/1, 255, 622].

² Отметим одно интересное обстоятельство: образ *сучка* является мотивирующим для названия *hordeolum* в вепском языке, ср. упоминавшееся выше слово *sarakoda* (букв. «суков дом») [СВЯ, 457]. Это загадочное название еще ждет интерпретации своей образной основы, однако можно предположить, что оно возникло под влиянием русских «сучьих» (→ «суковых») наименований [на семантические переключки русских и вепского фактов обратил наше внимание А.К. Матвеев].

нию (носящему, возможно, игровой характер) вследствие фонетической близости и даже частичной омонимии некоторых форм. Во-вторых, сучок прекрасно вписывается в круг «рецептурных» стимулов народно-этимологического переосмысления. Так, в народной медицине существует практика «загонять» болезни в сук: например, в Сибири при лечении лишая или чирья следовало, плюнув на безымянный палец, обвести им найденный на стене сучок, потом тем же пальцем обвести лишай или чирей и произнести определенный приговор¹. Этот приговор мог выглядеть так: «*Чирей-вирей, пойди в сук*»². Ср. также поверье о том, что «*зажать сучок в избе -- кровь станет*» [Даль 4, 358]. Сучок – «эталон» признака сухости, отсюда параллелизм идеи высыхания сучка и подсыхания раны, ср. семантику глагола *завя́нуть* ‘зажить, затянуться, подсохнуть (о ране, нарыве)’ – *Коль чустак у меня на ноге станет, а на лавке сучок, так плюнут и кружат вокруг него, чтоб чустак, как сучок, завянул да засохнул* [СРГК 2, 101–102]. Описывая своеобразие моделирования магического действия в русских народных заговорах, Н.В. Гультьева выделяет мотив уничтожения «жизненной силы» (высыхания), при реализации которого в типичном для заговора параллелизме ситуаций («наличной» и «желаемой») используется идея высыхания: *Как сохнет и высыхает сук // так сохни и высыхай болеот; Как у матушки у сухой сосны сохнут и посыхают сучья из белой болони и красного сердца // так бы сохло и посыхало у раба Божьего притки и призоры, щипоты и ломоты, потяготы и позевоты; Как этот сук сох-усыхал // так чтобы у раба Божьего печь-ячмень сох-высыхал и др.*³; при произнесении заговоров такого рода производились определенные манипуляции с сучком («очерчивали» им больное место, сжигали и т.п.). Интересно, что в последнем из приведенных текстовых отрывков, записанном на территории Свердловской области, высыхание сучка подается как параллель высыхания именно глазного ячменя.

Образ сучьей *титьки* подвержен варьированию: *пёсий сосок* [СРГК 4, 483], *пёсий сосок* (олон.) [СРНГ 26, 301], *собачья титька* (*суська*) [НОС 10, 107]. Дезтимологизировавшееся сращение *песьяк* + *сосок* отражено в форме *песусок* [НОС 7, 133]. В результате дезтимологизации возникает также слово *пятисосок* [НОС 9, 77], первая часть которого представляет собой результат аттракции *песьяк* к *пять* (скорее

¹ Миненко Н.А. Указ. соч. С. 125.

² Усачева В.В. Движение как компонент славянского народного врачевания // Балканские чтения–3: Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тез. и мат-лы симпозиума. М., 1994. С. 86.

³ Гультьева Н.В. Язык русского заговора. Лексика. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. С. 117–118.

всего, аттракция в данном случае движется сугубо формальными причинами, хотя возможно, что в ее основе – представление о множественности «головок» *hordeolum*).

Весьма устойчиво отмечаются и такие варианты, где упоминание о собаке формально отсутствует, но легко восстанавливается по контекстам: *сосок* (арх., новг., олон.) [ЛК ТЭ; НОС 10, 124; Куликовский, 111], *сисёк*, *сиська* (новг.)¹ (ср.: *Сосок-от скочит, как на собаку плохо посмотреть* [ЛК ТЭ]; *На глазу соскочит сосок, его тёплым хлебом мажут и хлеб отдают собаке* [НОС 10, 124]). Распространению варианта *сосок*, скорее всего, способствовало его подобие форме *сучок*, так что это наименование *hordeolum* тоже можно считать результатом срабатывания аттракционных процессов.

Что касается названий, включающих слово *собака*, то они в целом повторяют *песьи* и *сучьи* варианты – ср. приводившуюся выше форму *соба́чья тѣтка* (*сиська*), а также сочетание *соба́чья пѣтля*, вариативное по отношению к *сучьей петле* (арх.) [ЛК ТЭ]. Однако есть один весьма интересный «собачий» вариант, не пересекающийся с другими: *соба́чья стря́ска* (*стряски*) – *Песяк сам соходит. Говорят, это соба́чья стряски, его соба́чья стряски зовут. Собака отряхнѣтся – дак отлетит. Из теста замият, погреют перед печью, упеке́тся – разлома́т и подѣржат глаз над паром. Потом закро́ют и собаке бро́сят* (влг.) [ЛК ТЭ]; *Соба́чья стря́ска села, чаем промывали* (арх.) [ЛК ТЭ]. Сочетание *соба́чья стря́ска* примечательно тем, что репрезентирует весьма редкую ситуацию, когда во внутренней форме языковой единицы легко прочитывается мифологический по своей природе сюжет, являющийся ее единственным мотиватором. Ономасиологическая параллель обнаруживается в болгарском языке, где функционирует наименование кожного заболевания, образованное от обозначения дикого «двойника» собаки – волка: болг. диал. *вълчетръси* 'шерсть на теле, Pemphigus' [БЕР 1, 206].

Осуществив обзор наименований, реализующих «собачью» модель, обратимся к непростому вопросу о ее происхождении и исходном смысловом наполнении.

«Соба́чья» модель имеет следующие лингвогеографические характеристики (получены при суммировании ареалов *песьих*, *соба́чьих* и *сучьих* наименований): арх., влад., влг., забайк., карел.рус., костр., новг., олон., петерб., пск., свердл., твер., эст.рус., яросл. говоры. Ареалы всех *соба́чьих* наименований внутри этой зоны в основном перекрещиваются; наиболее узкий ареал при этом – у наименований от основы *сука* (арх.), а наиболее широкий – у формы *песьяк* и под. Таким образом, ин-

¹ Строгова В.П. Указ. соч. С. 47.

тересующие нас лексемы фиксируются в говорах северной, северо-западной и северо-восточной диалектных зон (имеются в виду говоры территорий первичного заселения) + дочерние говоры Урала и Сибири (активное распространение *песьих* названий на Среднем Урале, а также единичная фиксация в забайкальских говорах). Специфика ареала заставляет думать о возможности финно-угорского влияния. В славянских языках «собачьи» названия глазного ячменя вроде бы не встречаются.

Действительно, «собачья» модель номинации hordeolum активно функционирует в различных финно-угорских языках (прибалтийско-финской, волжской и пермской ветвей): карел. твер. *koiranñäññi* («собачий сосок») [СКЯ–Пунжина, 110]; карел. ливв. *koiranñäññi* («собачий сосок») – Поверье: *Когда у человека ячмень, испекнут блин, его прижмут к [больному] глазу, а потом скормят собаке, тогда ячмень пройдет* [СКЯ–Макаров, 149]; вепс. *koiranñiža* («собачий сосок») – *Если ячмень сел на глаз, нужно взять хлеба, разжевать и дать собаке. Примета: подразнишь собаку – ячмень вскочит* [СВЯ, 217]; мокш. *пинень шячи* («селезенка собаки») [МРС, 312]; эрз. *пинень чечей* («селезенка собаки») [ЭрзРС, 481, 747]; коми *понтуш* («собачий отросток») [КомиРС, 551; КЭС, 225]; ср. и вепс. *koirankuži* ‘нарыв (обычно на пятке или подошве ноги)’ («собачья моча») [СВЯ, 217]. В связи с этим интерес представляет также этимология финского наименования глазного ячменя *näärännäppy* [ФРС, 411], которому, по данным SKES, могут соответствовать некоторые саамские формы: *nārān(is)*, *naranaš*, *näreš* и др. ‘нарыв’. Если принять вероятность такого соответствия, то следует признать, что это название подвергается народно-этимологическому притяжению к *naara* ‘сука’, поскольку то же заболевание именуется *koiranñäññi*, *koiranñiža* и т.п. (см. выше) [SKES, 363; аналогичное решение см. в SSA 2, 257]. Существует также другая этимологическая версия, в соответствии с которой фин. *näärännäppy* изначально связано с *naara* ‘сука’ [SSA 2, 257].

Как видим, в финно-угорских языках встречаются те же образы и мотивы, что и в русских диалектных наименованиях, реализующих «собачью» модель. Показательно, что самые близкие финно-угорским источникам формы, образованные от основ *сука* (и переосмысленное *сучок*), *сосок*, встречаются в наиболее открытой для финно-угорского влияния зоне (арх., влг., новг., олон. говоры). Таким образом, вполне оправданно предположение о том, что изучаемая модель представляет собой семантическую кальку с финно-угорских источников.

Однако вопрос о генезисе изучаемой модели сложнее. Ситуация осложняется тем, что в русском просторечии активно функционируют наименования нарыва под мышкой, тождественные по образной фактуре одному из вариантов «собачьей» модели номинации hordeolum: *сучье*

вы́мя ‘народное название нарыва под мышкой’ [ССРЛЯ 14, 1243]; это наименование указано в Большой медицинской энциклопедии в качестве устаревшего дублета для медицинского термина *гидраденит* (гнойное воспаление апокринных потовых желез)¹. Варианты этого наименования встречаются в говорах: *соба́чье вы́мя* ‘сучье вымя, нарыв, фурункул под мышкой’ (том.) [СОВНГ, 179], *соба́чье вы́мя* ‘гидраденит’ – *Когда сглазят, ещё соба́чье вымя – бородавки под мышкой нарастут* (влг.) [ЛК ТЭ], *соба́чья тит́ька* ‘нарыв, чирей’ [ЯОС 9, 54], *сучьи тит́ьки* ‘воспаленные лимфатические узлы в подмышечной впадине’ [СРГСУ-Д, 522], *сучья тит́ька* ‘несколько фурункулов под мышкой у человека’ – *Сучья тит́ька у людей – мажут сметаной. Если у мальчи́ка, то кобель вылизывает, а у девчонок – сучка вылизывает* [СРГП, 293] и др. Четкая параллель обнаруживается в тюркских языках: тур. *köpekmetesi* ‘нарыв под мышкой, сучье вымя’ («сучье вымя») [БТПС, 566], тат. *эт имчэге* ‘сучье вымя (нарыв под мышкой)’ («сучье вымя») [ТПС, 687], при этом турецкие данные мешают думать о заимствовании из русского. Реалии (гидраденит и глазной ячмень) обладают значительным внешним сходством, поэтому связь наименований вполне возможна.

Еще один момент, осложняющий выяснение вопроса о генезисе модели, – фиксации «собачьих» названий *hordeolum* за пределами финно-угорских и русского языков, ср., например, исп. *perilla* ‘ячмень на глазу’ ← *perillo* ‘собачка’ [БИРС, 583], лтш. *suņa nagla* (букв. «собачий гвоздь (коготь)») ‘язва, фурункул на глазу’ [LVR III, 1123]. При этом латышский факт вполне объясним как заимствование из финно-угорских языков, дающее очередной поворот «собачьей» темы (ср. эст. *koeranael* (букв. «собачий гвоздь») ‘чирей’ [ЭРС, 180]²), а исп. *perilla*, вероятно, можно трактовать как результат типологически независимого срабатывания модели.

Вообще, возможности типологически независимого появления номинативных фактов, функционирующих в рамках «собачьей» модели, возрастают за счет того, что образ собаки весьма активно задействуется в разных языках при номинации различных болезней – не только гидраденита и *hordeolum*, ср.: фин. *punainen koira* ‘ветряная оспа’ (букв. «красная собака») [БФРС, 246]; дат., норв. *hundrøde* ‘краснуха’ (букв. «собачья краснота») [НорвРС, 364; DRO, 240]; болг. диал. *штенец* ‘прыщик, струп в момент его появления около воспаленной раны, пред-

¹ Большая медицинская энциклопедия. Т. 5. С. 363–364.

² Образ *собачьего гвоздя* представлен в германских языках, ср., к примеру, англ. *dog-nail* ‘гвоздь, имеющий прочную и заостренную головку, а также большой гвоздь с головкой, скошенной на одну сторону’ [OED IV, 930]; однако нам не удалось обнаружить в этих языках фактов, говорящих о применении этого образа по отношению к *hordeolum*.

ставляющий собой красное пятно' («щенок») [Хр. Хитов. Речник на говора с. Радовене, Врачанско. – БД 9, 341]; с.-хорв. *nàsjacha* 'тяжелая лихорадка' [СХРС, 586]; болг. *pèsec* 'болезнь детей, при которой они слабеют, желтеют и на лице и спине растет сивый мех', болг. диал. *pèsница*, *pèsница* 'то же', *pesičavo dete* 'ребенок, рожденный с волосами на теле' и др. [БЕР 5, 186–187]¹; польск. *psiarka* 'красные коросты, которыми болеют дети' [Warsz V, 413]; рус. диал. *собáчинка* 'жесткие волоски на спинке ребенка' – *Собачинка бывает на спинке, дак надо шерсть обстричь собаку да пожгать, да этот дымок дать ребеночку понохать* (влг.) [ЛК ТЭ]; рус. прост. *собáчья старость* 'детская болезнь, проявляющаяся в приостановке роста, в появлении у ребенка старческого вида; разновидность рахита' [ССРЛЯ 14, 10–11]², диал. *собáчья старость* 'бессонница и отсутствие аппетита у ребенка как следствие нарушения запрета беременной матерью переступать через кошку или собаку' [Куликовский, 72], 'черная щетинка под кожей ребенка' – *Выводят соба́чью старость на белое тесто: пекут из его колач, проносят ребёнка через дырку, а колач скармливают собаке* (арх.) [ЛК ТЭ] и др.⁴

Подобные примеры (количество которых можно было бы значительно увеличить), обнаруживают тенденцию: «собачьи» болезни являются преимущественно кожными заболеваниями, при которых происходит трансформация кожных покровов или общего внешнего вида больного (аналогичные признаки отражают многие «волчьи» наименования, ср. хотя бы рус. *волчанка* и лат. *lupina*). Несомненно, что дополнительным мотивирующим моментом, поддерживающим обращение к образу собаки при номинации болезней, становится наличие негативных коннотаций, связанных с этим образом. Так, В.В. Усачева считает на-

¹ Авторы БЕР указывают, что народная этимология связывает эти наименования со словом *лес*, что проявляется в обычае просовывать больного этой болезнью ребенка через соба́чью лазейку в плетне. Версия Цончева относительно связи со словом *лес*, мотивированной появлением волос на теле больного, считается удачной в формальном отношении, но все же семантически неясной [БЕР 5, 186–187]. Думается, что приведенный в настоящей статье материал вполне обосновывает семантическую сторону версии Цончева.

² Ср. также диалектный вариант этого просторечного названия рахита – *кошачьи сухоты* (влг.) [ЛК ТЭ].

³ Ср. наименование той же болезни: *щетины* 'кожная болезнь ребенка, наступающая якобы от собачьей слюны' (олон.) [Куликовский, 140].

⁴ Ср. также сообщение Н.И. Толстого о принятых в Сербии способах лечения детской болезни «пешницы», от которой ребенок сохнет и постоянно плачет: «Ребенок, болеющий упомянутой болезнью, называется «пешичаво дете» или «песичаво дете» (этимологически от *ръзъ 'пес', ср. рус. «собачья старость»)». В Болгарии магическими способами лечится такое же «песичаво дете» (чахнувший и желтеющий ребенок) [Толстой Н.И. Еще раз о славянском ритуальном диалоге // Славянское и балканское языкознание: Структура малых фольклорных текстов. М., 1993. С. 93].

именования типа польск. *psina* 'лихорадка' дефемизмами, имеющими ярко выраженную негативную окраску¹.

Что касается наименований *hordeolum*, связанных с образом собаки, то здесь образная основа названия тоже ясна: собачьи глаза нередко выглядят воспаленными, покрасневшими, слезящимися, собака часто мигает, в углах глаза скапливаются различные выделения. Такое же впечатление могут производить глаза больного *hordeolum*. Внимание языка к собачьим глазам отражено, к примеру, в болг. *кучеловец, кучеок* 'тот, кто имеет «собачьи глаза», мигает, имеет дурной глаз' [БЕР 3, 169].

Завершая анализ наименований, функционирующих в рамках «собачьей» модели номинации глазного ячменя, необходимо отметить, что эти языковые факты мотивированы на разных уровнях. Во-первых, следует выделить уровень «ближайшей», непосредственной мотивации, предполагающий учет объективных свойств реалии, явившихся основой для переноса, в данном случае – собачьих глаз (вероятно, независимо появился образ «сучьего вымени», который исходно мог быть обращен к гидрадениту). Во-вторых, есть смысл говорить о более опосредованном и общем мотивационном уровне, уровне учета специфики сферы отождествления (образ собаки часто используется для номинации различных болезней, а также является источником негативных коннотаций, сопровождающих представления о болезни). В-третьих, выделяется уровень внеязыковой, «культурной» мотивации (собака как «реципиент» болезней и источник различных способов лечения). Вопрос о суверенитете этого уровня по отношению к языку весьма сложен: как мы видели, «анамнез» и «методы» лечения нередко формируются языком; однако внеязыковые моменты тоже явно присутствуют, поскольку практика использования ближайшего к человеку животного в народной медицине, безусловно, имеет давнюю культурную историю.

Такая комплексная мотивация создает настолько прочный фундамент для «собачьих» номинаций, что вопрос о генезисе модели становится практически не решаемым: по сути, «собачьи» названия могут появиться независимо друг от друга в различных языках мира. Однако это не исключает возможности заимствования модели в каких-то конкретных случаях. Мы всё же склонны думать, что появление «собачьих» названий в севернорусских говорах было инициировано фактами финно-угорских языков. Суммируем аргументы: в применении к *hordeolum* модель, кажется, не фиксируется в славянских языках; «собачьи» наименования отмечаются в севернорусских и дочерних по отношению к ним говорах; «собачья» модель разработана в финно-угорских языках весьма вари-

¹ Усачева В.В. Вокативные формулы... С. 227.

тивно, а некоторые варианты – к примеру, наименования с внутренней формой вроде «собачья селезенка» – нетипичны для русского языка (где, как представляется, этот орган обходится вниманием, поскольку его наименования не становятся источником вторичных номинаций).

Как уже говорилось, все имеющиеся в нашем распоряжении русские названия *hordeolum* по своему генезису распределяются по двум моделям – «зерновой» и «собачьей». За пределами остается единственное наименование – *посёка* [НОС 8, 138], которое следует истолковать с учетом выявленных ранее номинативных закономерностей. Данное наименование, как представляется, есть очередная реализация «рецептурной» модели номинации: в народной медицине применяется такой метод лечения, как «сечение» болезни. В частности, при лечении радикулита на Русском Севере принято *сечь утин* (больной ложится через порог, на поясницу ему кладут веник, который рубят топором, произнося определенные приговоры) [ЛК ТЭ]¹. Использование в народной магии острых режущих предметов позволило Н.И. Толстому назвать такое лечение «магической хирургией»². «Хирургические» методы если не применяются, то декларируются при лечении *hordeolum*, ср. текст приговора: *Песьик ты, песьик! Вот тебе кукиш, Топор себе купишь. Купи топорок, секи себя поперек* (влг.) [ЛК ТЭ]. Вот эта идея сечения, по всей видимости, мотивирует данное наименование *hordeolum* – хотя нельзя исключать, что такая мотивация вторична: название *посёка* могло сформироваться при аттракции исходного *песьяк* и под. к *сечь* (*по-сечь*).

Подведем итоги.

В русских говорах функционирует обширная парадигма названий *hordeolum*, при этом многие номинативные варианты сосуществуют на одной и той же территории – значит, причину обилия дублетов не следует связывать с сугубо номинативной потребностью дать имя реалии. Данная номинативная парадигма оказалась «зараженной» весьма заразной мотивационной «болезнью», заключающейся в том, что новые наименования продуцируются на базе двух номинативных концентров (возможно, один исконный, а другой заимствованный) в результате различных народно-этимологических притяжений. Механизмы такого притяжения подсказаны логикой этимологической магии: актантами взаимодействий становятся слова, которые указывают либо на причину бо-

¹ Данные о широком распространении подобных обрядов на Русском Севере см. в статье: Грысык Н.Е. Лечебные и профилактические обряды русского населения бассейна Ваги и Средней Двины: пространственные и временные координаты // Русский Север: ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 64–65.

² Толстой Н.И. Указ. соч. С. 93.

лезни, либо на метод ее лечения (как правило, причина и метод взаимно связаны по принципу *similis simili curatur*).

Перечислим основные ситуации притяжений.

1. «Зерновая» модель:

Исходная лексема – обозначение <i>hordeolum</i>	База переосмысления мотивировки	«Стимулированное» название <i>hordeolum</i>
<i>ячмень, ячменина</i>	лечение ячменным зерном или хлебом	= исходному (но с «рецептурной» ремотивацией)
<i>жито, житина</i> и т.п.	лечение ячменным зерном или хлебом (<i>житом</i>)	= исходному (но с «рецептурной» ремотивацией)
<i>жито, житина</i> и т.п.	лечение шерстяной нитью (<i>жичей, жичиной</i>)	<i>жича</i> и т.п.
	лечение <i>прижиганием</i> горячим хлебом	<i>жига</i>
<i>жито</i>	притяжение к слову <i>живой</i>	<i>живчина</i>

2. «Собачья» модель:

<i>песий ячмень, песец, песыак</i> и т.п.	«заносится» собакой (псом); лечится путем «отдавания» <i>собаке</i>	= исходному (но с «рецептурной» ремотивацией)
<i>песыак</i> и т.п.	лечится <i>печением</i> : прикладыванием печеного лука, <i>печины</i> (печной глины), печеного угля, хлебом из <i>печи</i> и т.п.)	<i>печень, печь-ячмень</i>
<i>песыак</i>	появляется у того, кто видел, как <i>оправляется собака</i> ; лечится <i>собачьей мочой</i>	<i>писыак</i>
<i>песыак</i>	лечится толчением хлеба с помощью <i>песта</i>	<i>пестяк</i>
(?) <i>песыак</i>	лечение «сечением» с помощью топора	<i>посека</i>
<i>сучья титька</i>	появляется у того, кто видел собачью «свадьбу»	= исходному (но с «этимологической» ремотивацией)
<i>сучья титька</i> и т.п.	болезнь «отсылается» в сук	<i>сучий сучок, сучок</i>
<i>сучок</i>	притяжение к слову <i>сосок</i> (+ влияние со стороны форм типа <i>собачья титька</i>)	<i>сосок</i>
<i>песыак, сосок</i>	притяжение к слову <i>пять</i>	<i>пятисосок</i>

По сути, мы имеем совершенно буквальное подтверждение знаменитого суждения Макса Мюллера о том, что мифология появляется как ненормальное состояние языка, его «болезнь» (ср. потебнианскую трактовку мифологии как «тени, падающей от языка на мысль»¹, а также высказывание Г. Шухардта: «Вся мифология основывается в сущности

¹ *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989. С. 252.

на неправильном понимании тех или иных выражений языка»¹ и др.; доверие к языку может породить не только «народную», но и «кабинетную» мифологию²). Конечно, афоризмы такого рода односторонни и должны приниматься в определенном контексте и с определенными оговорками, однако эпизод с названиями *hordeolum* демонстрирует продуктивность (= «заразность») магических переосмыслений, когда языковой факт порождает какую-либо мифологему, которая затем «бумерангом» возвращается в язык, становясь основой новой номинативной единицы и даже целой номинативной серии.

Н.В.Галинова
Уральский университет

К изучению явления контаминации в лексике говоров Русского Севера

В синхронной системе диалекта происходит взаимодействие дериватов разных по происхождению, но близких или тождественных по форме (а иногда сходных и в семантическом плане) корней. Такое взаимодействие определяется связями в морфо-семантическом поле, создающем предпосылки для сближения гетерогенных лексических фактов или восстановления мотивационных связей между гомогенными по источнику словами. Нередко происходят семантические трансформации взаимодействующих слов, а также их структурное переоформление. В условиях ненормированной системы диалекта практически отсутствуют ограничения аттракционных и контаминационных процессов, что обуславливает высокую активность последних. В ходе аттракционных процессов может произойти практически полная нейтрализация семантических и формальных различий между взаимодействующими словами, в результате возникает лексическая единица, для которой весьма трудно (или даже невозможно) с точностью установить этимон. Можно говорить о возможностях своеобразного «пересоздания» слов вследствие контаминационных процессов.

В настоящей статье предполагается осуществить систематизацию контаминационных процессов, принимая во внимание такой классификационный параметр, как *участники (актанты) взаимодействий*. Для того, чтобы отбор фактов не был случаен, решено взять группу слов, образован-

¹ Шухардт Г. Заметки о языке, мышлении и общем языкознании // Шухардт Г. Избранные статьи по общему языкознанию. М., 1950. С. 239.

² Ср. интересные и методически важные наблюдения по этому вопросу в статье: Журавлев А.Ф. Наивная этимология и «кабинетная мифология» (из наблюдений над мифологизмом А.Н. Афанасьева) // Этимология. 1997–1999. М., 2000.